

ЧАСТЬ 1

Крылатый

Девчонка стояла в дверях, вцепившись в мамину руку. Раскрашенные зелёной колёнки, тощее тельце, даже рыжие косички уже готовы были бежать, но заполненные любопытством глаза удерживали всё это в комнате.

— Из какого мультика вы взяли эту девочку? — спросила я не менее напряжённую маму и выдвинула стул, убрав с него ноты и сумку. — Садитесь, пожалуйста. Я слушаю.

— Да вот мы, то есть я... подумала, — женщина замялась.

— Прежде всего, давайте познакомимся. Меня зовут Дарья Несторовна.

— Ольга Петровна. А дочка — Леночка.

Женщина немного расслабилась.

— Вы хотите, чтобы Леночка училась играть на фортепьяно?

— Ну-у, не знаю... Может, и на фортепьяно. Мы пришли посоветоваться, а у вас там такая приветливая дежурная. Говорит, зайдите к Дарье Несторовне, в седьмой кабинет. Вот мы, собственно, и...

Ольга Петровна оглянулась на дочку, тут же на всякий случай отступившую матери за спину.

— Лена, а Лена! — позвала я девчонку. — Как ты думаешь, я на серого волка похожа?

Она пару раз ковырнула ногтем спинку стула и ответила несколько задиристо:

— Нет!

— Тогда скажи, сколько тебе лет?

Над маминой головой взлетела довольно грязная враспырку ладошка.

— Пять что ли?

— Только недавно исполнилось, — уточнила мать и попробовала вытянуть чадо из-за спины.

— Мамочка, да не трогайте вы эту девочку, — сказала я деланно безразличным голосом, — она теперь всё время будет за стулом жить.

— А вот и нет! — купилась Ленка и выскочила из своего убежища.

Глаза матери потеплели.

— Егоза! — Она вздохнула. — Может, зря мы ваше время отнимаем... Это я подумала, что её нужно в музыкальную школу показать. Понимаете, она очень петь любит. — В голосе Ольги Петровны слышались непонятные мне извиняющиеся нотки.

— Так это очень хорошо!

— Нет, вы послушайте, — перебила она меня. — Вчера я пришла в садик Леночку забрать, а воспитательница говорит, что она в туалете сидит. Когда из группы вышли, я спрашиваю: «У тебя что, живот болел?» А Ленка мне сообщает, что теперь будет всё время до самой школы в туалете сидеть. Представляете?

— То есть как «в туалете»? Зачем?

— Оказывается, она захотела петь. А Леночка немного упряма. Если уж решила, своего, как правило, добивается. Конечно, кому понравится голосащий на всю группу ребёнок?! Петь её в туалет отправили.

— Там громче получается! — встряла «певица».

— Лена, не перебивай, — повысила голос мать. — В общем, оказалось, что она уже не один день в туалете концерты устраивает.

— Я там всегда пою, — уточнила Леночка.

— А мне споёшь? — спросила я, порядком обескураженная. Про туалетных певиц мне ещё слышать не приходилось.

— Нет! — последовал мгновенный ответ, и девчонка на всякий случай снова пододвинулась поближе к матери.

— Почему? — поинтересовалась я, прикидывая, как бы малышку прослушать.

— Я тебя не знаю.

— Так и я тебя не знаю. Делать-то что? А давай мы поступим так. — Я чуть потянула Леночку за юбку. —

Я тебе вот на этом красивом инструменте сыгрую весёлую песенку, которую ты, скорее всего, не знаешь. А ты мне в обмен споёшь свою. Идёт?

Леночка подумала и кивнула.

Запела она чистенько, старательно дотягиваясь до самых высоких ноток. Страх оставил её на первой же фразе. Щёки зарумянились, пальцы перестали теревить край юбочки. К старательности добавилась особая выразительность, какой бывает отмечен любой музыкальный ребёнок.

Я смотрела на свою будущую ученицу, потихоньку влюбляясь, как влюблялась в двенадцать учениц, составляющих сейчас мой класс. Представляла, как слушает она себя в гулком туалете... А перед глазами всё явственней проявлялось родное доброе лицо моей любимой учительницы Ирины Вениаминовны.

— Наша? — коснулась я её самым краешком сознания.

— Наша!

Играла вечером долго, самое любимое, пока позволяло время, когда-то очень давно отвоёванное у оказавшихся в конечном итоге терпеливыми соседей.

Расшевелила эта туалетная певица память! Вновь кольнуло укоризной невыполненное обещание, данное самой себе, записать, сохранить на бумаге образ Ирины Вениаминовны, посягнувшей много лет назад на уют моего детства. Я, боясь передумать — сколько уже раз

музыкант более опытный, чем девочки. Поэтому будешь демонстрировать свою технику. А Даша с Лидой начнут со вторых партий. Лиде достанется «Пляска», а «Мазурка» и «Полька» — Даше. Попробуем, что получится в таком составе. Может быть, дальше будем меняться. А теперь, — Ирина Вениаминовна подошла к шкафу, до самого верха забитому нотами, — я тебе, Женя, выдаю книги. Их в городе нет нигде, ни в одной из музыкальных школ. Этот экземпляр — единственный. Я надеюсь, ты будешь аккуратен. Сделаешь для всех ксерокопии. Девочки деньги тебе отдадут. А послезавтра вернёшь книги мне. Договорились? Тебе это не будет трудно?

— Нет!

— Ещё раз прошу: поаккуратнее с нотами! Ну, выше нос! — Ирина Вениаминовна улыбнулась насупившимся Лиде и Даше. — Даже великие музыканты играют вторые партии!

Этот довод никого не ввёл в заблуждение. Даша с Лидой, хмурые, как осенние тучи, переглянулись: подумаешь, великие музыканты! Великие музыканты ведь играют не только вторые, но и первые партии!

— Лидочка, Женя, вы бегите на сольфеджио. Елена Артёмовна опозданий не любит. Даша, а ты задержись ещё на несколько минут.

Жбанов сложил стопочкой ноты, аккуратно засунул их в ранец и вышел. Лида не шелохнулась.

— Можно я Дашу здесь подожду? На сольфеджио всё равно рано.

[Купить книгу на сайте kniga.biz.ua >>>](http://kniga.biz.ua)

— Лида, самое большое через пять минут Даша к тебе придёт.

Лида показала язык отвернувшейся Ирине Вениаминовне, нехотя сползла со стула, так же нехотя перекинула через плечо сумку и, выдавив «до свидания», вышла, подозрительно громко хлопнув дверью.

Ирина Вениаминовна села и загадочно посмотрела на Дашу. Каждому из её учеников был очень хорошо знаком этот взгляд. После всегда следовало что-нибудь необычное — интересное или радостное.

— Даша, ты умеешь и любишь трудиться... — издалека начала Ирина Вениаминовна.

— Да!

— Я считаю, что ты уже можешь участвовать в городском музыкальном конкурсе. Он проводится один раз в два года, и следующий будет зимой. Как тебе такое предложение?

Даша часто-часто закивала. По слухам, гулявшим по школе, участвовать в конкурсе могли только самые лучшие ученики. Настоящие музыканты. Их знали в лицо, и младшеклассники смотрели на них как на каких-нибудь знаменитостей. Даша не единожды задавалась вопросом, а смогла бы она выйти на сцену и сыграть так, чтобы все сразу поняли, что лучший в городе музыкант — это Даша Заяц. Теперь у неё будет возможность это проверить! Страшно! Сыграешь плохо — будешь знать, что никакой ты не музыкант. А сыграть хорошо — это же как заниматься надо!

Ирина Вениаминовна, внимательно наблюдавшая за её лицом, усмехнулась:

— Ты не о провале или победе думай. Это твой первый большой конкурс. А в конкурсах участвовать тоже учиться надо. Знаешь, сколько талантливых детей в нашем городе? И каждый старается сыграть очень хорошо. И репертуары очень разные. Есть очень сложные. Конечно, если уж участвовать, то к победе стремиться нужно. Но для нас с тобой пока не это будет главным. Договорились?

— А что главное?

— Главное — музыка. Главное — суметь подготовиться. Суметь сыграть максимально хорошо. И сориентироваться, посмотреть, что делают другие ребята. Поучиться у них. Понять, на каком уровне находишься ты. Согласись, это большая, достойная задача. Как считаешь?

— Думаю, да.

[Купить книгу на сайте kniga.biz.ua >>>](http://kniga.biz.ua)

— Тогда вот тебе ещё ноты. Я отметила два произведения. По условию конкурса необходимо играть сонату — вот Моцарт, и кантилену⁶ — посмертный ноктюрн Шопена. Замахнулись, конечно. Ещё и рука твоя неизвестно как себя поведёт...

— Хорошо! Хорошо поведёт! Ирина Вениаминовна, а почему посмертный? Он что, его после смерти написал? — Даша широко раскрытыми глазами поймала взгляд учительницы («Что вы такое говорите?»).

Ирина Вениаминовна засмеялась:

— Девочка, ты не оригинальна. Каждый второй ученик мне задаёт именно этот вопрос. Хотя даю играть я этот ноктюрн не каждому... Нет, после смерти Шопен, конечно, ничего не писал. Подумай, какую глупость сморозила. Просто это произведение впервые исполнили, когда композитора уже не было в живых. Невероятной красоты ноктюрн. Его играют взрослые музыканты на больших сценах. Но ты же хочешь стать музыкантом? Вот и пробуй. Берёшься?

— Берусь! Берусь! Я сделаю, Ирина Вениаминовна!

— Тогда иди, сольфеджио уже, наверное, вот-вот начнётся. Я тебе ни сонату, ни ноктюрн пока играть не хочу. Сама повозись. Глянем, что получится.

Даша собралась уйти, но вдруг нерешительно остановилась.

— Ты что-то спросить хотела, Дашунчик?

— Да... Ирина Вениаминовна, а Лида и Женя — они будут в конкурсе участвовать?

⁶ Кантилена — широкая, напевная, свободно льющаяся мелодия.

— Обязательно. Но только вместе. Если получатся ансамбли.

— А отдельно?

— Нет, пока нет. Потом, если начнут проявлять больше усердия в занятиях, — обязательно!

Даша распахнула дверь и ойкнула, поняв, что в кого-то хорошо этой дверью въехала. «Кто-то» оказался Лидой. Она тёрла лоб и была красной и злой.

— Лидка, ты что, подслушивала? — зашептала Даша.

— Ничего я не подслушивала. Просто мимо проходила. Интересно, почему это ты будешь в конкурсе участвовать, а мне ещё нужно поучиться? Я тоже хочу.

Для «проходила мимо» Лида проявила удивительную осведомлённость.

— Так и попроси Ирину Вениаминовну. Скажи, что будешь много заниматься. Она тебе позволит.

— А если не позволит?

— Всё равно попроси. Скажи, что тебе очень хочется.

Лида постучала и, не дожидаясь ответа, заглянула в класс.

— Ирина Вениаминовна, я хочу спросить...

— Заходи!

Даша осталась за дверью ждать. Но не прошло и пяти минут, как Лида, всё такая же красная, вышла в коридор.

— Ну? — бросилась к ней Даша. — Разрешила?

— Отстань от меня! Ничего она не разрешила. Никогда больше её просить не буду. Я лучше маме скажу. Можно подумать, ты у нас тут одна такая музыкантка выискалась!

— Ты что, обиделась?